

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 253–260.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 253–260.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-253-260

О СЕРГЕЕ ГЕССЕНЕ: АКТУАЛЬНАЯ ЗАБОТА О БЕССМЕРТИИ

Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. — М. : Политическая энциклопедия, 2020. — 447 с. : ил. — (Философия России первой половины XX века)

Виктория Александровна Кукушкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

vakukushkina_1@edu.hse.ru

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кукушкина В. А. О Сергее Гессене: актуальная забота о бессмертии // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 253–260. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-253-260>.

Academic Life. Reviews

ABOUT SERGEI GESSEN: CURRENT CONCERN FOR IMMORTALITY

Sergei Iosifovich Gessen / Edited by V. V. Sapov, T. G. Shchedrina. Moscow: Political Encyclopedia, 2020. 447 p. (Philosophy of Russia in the First Half of the Twentieth Century).

© Кукушкина В. А., 2021

Victoria A. Kukushkina

National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, vakukushkina_1@edu.hse.ru

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kukushkina, V.A. (2021) ‘About Sergei Gessen: Current Concern for Immortality’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 253–260. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-253-260.

В 2020 году вышла книга о Сергее Иосифовиче Гессене (1887–1950) — русском философе, интеллектуальное наследие которого долго не привлекало и всё ещё не привлекает достаточного внимания у исследователей. Фигура Гессена лишена целостности: она распадается на несколько фрагментарных образов в зависимости от той или иной сферы деятельности. И если гессеновские штудии в области педагогики и образования ещё находят своего читателя благодаря его выдающемуся труду «Основы педагогики», то Гессен-философ оставался вне поля зрения большинства историко-философских изысканий и в советские, и в постсоветские времена. Кроме того, ни один аспект его личности не мыслим без Гессена как интеллектуала и публициста, который оказал влияние на широкий круг важнейших деятелей культуры своего времени. Сергей Гессен занимал особое место среди создателей журнала «Логос». Так, Г. Риккерт называл его «душой всего предприятия» (с. 33). Поэтому нам представляется вполне оправданной та задача, которую поставили перед собой редакторы, — «восстановить целостный образ мыслителя» и, кроме того, поместить его в контекст современной проблематики.

Книга делится на три раздела:

- философские идеи С. И. Гессена;
- Сергей Гессен и современные проблемы философии образования;
- «архив эпохи» Гессена, состоящий из подборки писем и переписок, некоторых сочинений самого философа и материалов, связанных с деятельностью «Логоса».

В конце книги публикуется хроника жизни и библиография трудов Гессена, составленная В. В. Саповым, а также приводится библиография исследо-

вательской литературы о нем, составленная М. Ю. Загирняком.

Первый раздел открывает статья А. Валицкого, который характеризует Гессена как «философа в изгнании», описывает основные вехи его биографии, его философские, социально-политические и правовые воззрения через сравнения и противопоставления с окружающим мыслителя полем контекстуальных фигур и систем. С одной стороны, Гессен буквально находится в изгнании: он покидает Россию в 1922 году, какое-то время спасается от чисток на педагогическом факультете в Праге, в 1936-м переезжает в Варшаву, позже — в Лодзь, где умирает 2 мая 1950 года в возрасте 62 лет. С другой стороны, изгнанием становится и его интеллектуальный путь.

Несмотря на любовь многих студентов, которым он читал лекции на протяжении практически всей жизни, Гессен не стал популярен, часто не находил поддержки и в итоге оказался без прямых преемников своей философии, без школы. Он остался единственным, то есть — одиноким. Однако важнейшая черта гессеновской философии, как в политическом, так и в антропологическом рассмотрении, — оптимизм и вера в будущее. Интеллектуальный ориентир в этой связи для него — Г. Риккерт и его аксиология, увязывающая человеческую культуру с трансцендентным пространством ценностей. Кроме того, Сергей Гессен критиковал утопичность политических, социальных и религиозных проектов, что также в значительной мере выделяло его из числа современников. Но, как не раз подчеркивает Валицкий, Гессен со стоической выдержкой верил в «конечное торжество мира высших ценностей» (с. 16), к которым и старался приблизиться на протяжении всей своей нелегкой жизни.

Вторая и третья статьи первого раздела, написанные Ю. Б. Мелихом и В. Н. Беловым соответственно, сконцентрированы на сути гессеновской философии — осмыслении кантовского наследия и понимании цели и сущности

трансцендентализма. Мелих формулирует основную задачу неокантианства Гессена следующим образом: «поиск трансцендентальных оснований индивидуального» (с. 44). Иначе говоря, это поиск возможностей обоснования персонализма в кантовском учении. Пытаясь «понять, следовательно, превзойти» Канта, Гессен изобретает «трансцендентальный эмпиризм». Начиная с «первичной причинности» действительности, он последовательно восстанавливает объективность окружающего мира, усиливая при этом значимость эмпирики. А ориентир на достоверность истории подводит его к переосмыслению объективности индивидуального. Согласно Мелиху, подход Гессена к трансцендентализму через понятие «личность» — ядро и апогей гессеновского неокантианства. Именно отсюда вытекает его оригинальная антропология и интерес к педагогике. В. Н. Белов обращает внимание на работу Гессена с Кантом как первоисточником, называя его подход «неакадемическим». Под этим он имеет в виду, во-первых, вдумчивое, недогматическое, философское (в самом исконном смысле этого слова) отношение к тексту и, во-вторых, практико-теоретический характер его воззрений, желание разработать актуальную «философскую практику», а не только сконструировать умозрительную схему.

Следующие две статьи — В. Б. Куликова и М. Ю. Загирняка — касаются политической и социальной проблематики, которая не раз упоминалась и осмыслялась в предыдущих материалах. Это критика либерализма и статус права. Гессен критикует установки как классического, так и нового либерализма, но не для того, чтобы их низвергнуть, а с целью выработать оригинальное понимание ключевых для него объективных ценностей: «свободы — как растущей силы творческой активности; личности — как движения к сверхличным, объективным началам жизни; равенства — как равноценности незаменимых в своем различии личностей; собственности — как служения общности» (с. 118). М. Ю. Загирняк полагает, что синтез аксиологии баденского неокантианства и диалектического метода позволяет Гессену выработать методологию, способную анализировать любую область культуры через социально-исторические реалии, в первую очередь через правовую сферу. Кроме того, исследователь возвращается к значимой фигуре учителя Сергея Гессена — Риккерту. «Неакадемический» подход позволяет Гессену использовать концепции как материал для оригинальной переработки. Поэтому он идет дальше Риккерта и формулирует понятия «цель-задание» и «предание». «Цель-задание — это вектор развития определенной сферы культуры с неисчерпаемым содержанием, тогда как предание — это существенные культурные феномены прошлого, представляющие собой последовательность осуществления цели-задания и совершенствования ее реализации» (с. 124). Эта терминология использовалась

и редакторами данной книги для рефлексивного осмысления наследия самого Гессена. Важнейшая функция такого исследования — превратить гессеновское предание в цель-задание.

А. М. Шитов и А. А. Ермичев пишут о значении Гессена для журнала «Логос» и «Логоса» для Гессена. Основанный в 1910 году С. И. Гессеном, Ф. А. Степуном и Б. В. Яковенко журнал предоставлял на своих страницах уникальную возможность интеллектуального общения между Россией и Европой, знакомил отечественных мыслителей с актуальной западной мыслью, формировал общее концептуальное поле. Это история трудного и плодотворного взаимодействия гейдельбергско-фрайбургского содружества русских и немецких (Р. Кронер, Г. Мелис, А. Руге) студентов при благосклонном участии Г. Риккертта. Несмотря на сложнейшие социальные обстоятельства, возводившие всё новые и новые препятствия, а также внутренние концептуальные несогласия, журнал «Логос» «пламенем» вспыхнул на горизонте и до сих пор продолжает непосредственно и опосредованно влиять на коммуникацию между русской и европейской философией.

Статья В. В. Сербиненко — последняя в первом разделе, и при этом особенная. До сих пор мы имели дело главным образом с Сергеем Гессеном, не изменяющим своим философским истокам. Строгие гносеологические рамки, поставленные системой трансцендентализма, трансформировались под его индивидуальным взглядом, однако отказ Канта от метафизических грез не входил в зону интерпретационной турбулентности. Теперь же поднимается проблема различных прочтений текстов Гессена рядом исследователей, которая не раз появлялась на страницах этой книги. Например, между интерпретацией В. Зеньковского и Б. Яковленко существует напряжение по вопросу о наличии у Сергея Гессена метафизической системы. Зеньковский, да и практически все авторы, представленные в данном издании, склоняются к трактовке Гессена как философа, который все-таки эту грань не переступил (хотя сам Зеньковский скорее ставит это Гессену в укор). Именно поэтому любопытно замечание Сербиненко, полагающего, что в поздний период, скорее всего, у мыслителя имел место «религиозный поворот». Вопросы метафизики и религии занимали Гессена на протяжении всей его жизни. Его многое роднило с В. С. Соловьевым и Ф. М. Достоевским. Однако все исследователи сходятся на том, что философ до конца оставался верен «критической философии».

Второй раздел посвящен педагогическим изысканиям Гессена. Первая статья — Е. Г. Осовского и вторая — Л. Е. Шапошникова подробно восстанавливают главные черты и особенности гессеновского подхода к образованию. Статья Осовского начинается с небольшой биографии философа. Любопытно

отметить, что в данном случае читатель впервые знакомится с подробностями детства Гессена и жизни его семьи, что удачно ложится в контекст разговоров о педагогике и философии образования. Кроме того, читатель узнает о работе Сергея Иосифовича на историко-филологическом факультете Томского университета, где он инициировал «создание университетского педагогического образования как новой научно-образовательной структуры» (с. 181). Осовский отмечает плодотворное проявление компаративистских способностей Гессена в историко-философском анализе различных воззрений, о чем достаточно говорилось и в первом разделе книги. Более важное обстоятельство — дедуктивный примат философских установок над частными педагогическими решениями, что очень органично подчиняется конститутивному принципу его философской системы. Гессен формулирует это так: «пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» (с. 191). Поэтому личностно-ориентированная дидактика, разработанная им, — это целостная, но многоступенчатая система образования, которая вытекает из аксиологических и телеологических установок философа, проявившихся в первую очередь в понятии «свобода». Но это не означает следования принципу «всё дозволено». Образование по определению принудительно, но «свободно по цели, каждый шаг образовательного процесса есть уничтожение принуждения» (с. 201). Данное обстоятельство подробно описано у Шапошникова, который усматривает в нем актуальность методологии Гессена. Выработывая оригинальное понимание центральных понятий — дисциплина, учитель, ученик, — философ вместо крайностей выбирает срединный путь, умеренность, золотую середину. Не элиминация свободы, не вседозволенность, а дисциплина. Не безучастный, «нейтральный» учитель, не догматик и «проповедник», а заинтересовывающий, «зараженный» человек, готовый к диалогу.

Следующие три материала посвящены педагогической деятельности Сергея Гессена в разные годы. Статья О. Е. Осовского и В. П. Киржаевой подробно охватывает эмигрантский период. Несмотря на сложность в составлении биографии Гессена как ключевой фигуры педагогики российского зарубежья, авторы, привлекая различные свидетельства, письма и воспоминания, успешно ее восстанавливают и дополняют соответствующим историческим контекстом, позволяющим осмыслить вклад философа в педагогическую эмигрантику. Статья Л. М. Найбороденко и С. Ф. Фоминых посвящена просветительской деятельности Гессена в 1918–1919 годах. Читатель подробно знакомится с жизнью Томского университета тех времен, работой Гессена в нем, а также, что особенно любопытно, с влиянием томского периода на интеллектуальные воз-

зрения самого философа. С конца 1918 по 1919 год Гессен заведовал университетом, занимался подготовкой и проведением курсов для народных учителей, о чем сообщается в статье Л. М. Найбороденко, последней во втором разделе. Помимо информации о «курсистах» и роли Гессена в реализации этого проекта, читатель узнает об определяющем значении курса Сергея Иосифовича «Философские основы педагогики», прочитанного летом 1918 года. Его главные положения составили концептуальный фундамент «Основ педагогики», «будучи углубленными, развернутыми, более аргументированными» (с. 277).

После прочтения данной книги отсутствие философских и педагогических идей Сергея Гессена в современном интеллектуальном дискурсе ощущается как кощунство и несправедливость. Целый ряд критических замечаний, высказанных в адрес философии вообще и русской мысли в частности, к Гессену не применимы. Восстановленная и проанализированная исследователями гессеновская философская система взаимно обогащена практическими и теоретическими принципами. Она глубока и оригинальна. Поднятые им вопросы в сфере образования действительно актуальны. После прочтения первого раздела может возникнуть впечатление необоснованности оптимистического настроения Гессена, поскольку мыслитель находился в оппозиции к советской системе образования, советской идеологии. Трудно понять, откуда у него брались силы верить в «конечное торжество мира высших ценностей». Но после знакомства со вторым разделом становится ясно: Гессен не просто верил и осмыслял, но делал, прикладывал усилия, создавал, преподавал, учил. Учил других людей верить и осмыслять, заинтересовывал и «заражал» жаждой познания. В его философии заключена важнейшая мысль: «образование будущих поколений, идущих нам на смену, и есть забота о Смерти и забота о Жизни. И, в конечном счете, о Бессмертии» (с. 215). Сложно сформулировать подход Минобрнауки к современным школам и университетам, однако выбранное направление скорее можно охарактеризовать как движение *от* советской образовательной системы, но при этом точно не в сторону гессеновской. Особо хотелось бы подчеркнуть потенциал исследований и конкретных образовательных проектов, которые могли бы использовать оптику Гессена — непосредственную или переработанную (неакадемическую) — для формирования актуальных инициатив. Существующая программа «Учитель для России», например, представляется шагом в эту сторону, и есть основания усматривать здесь телеологическую параллель с курсами для народных учителей. Внедрение наследия Сергея Гессена в современную образовательную повестку в виде вариантов программ не только подстегнуло бы решение различных практических задач, но и заставило задуматься о более общих, философских

установках, которые так редко обсуждаются в государственных структурах. Важнейшая черта гессеновской мысли — преемственность поколений, забота о будущем — резонирует с тем, что Артемий Магун назвал «новой моральной чувствительностью»: с запросом на большую обдуманность, осознанность и заботу. Такой подход — тоже практико-теоретический — только обогатится от взаимодействия с русской философской мыслью начала XX века. И если действительно удастся создать некий плодотворный синтез в области современной педагогики, то центральная задача, сформулированная редакторами книги, — превратить учение Гессена в цель-задание — будет реализована самым органичным образом.

Информация об авторе: В. А. Кукушкина — студентка 4 курса Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Information about the author: V. A. Kukushkina — 4th year student at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021;
принята к публикации 20.10.2021.

The article was submitted 26.09.2021;
accepted for publication 20.10.2021.